

АЛЕКСАНДР ВОЛКОВ

ЗАВОД

Забыл я, как сюда попал,
Не помню даже год,
Когда вторым мне домом стал
Родимый наш завод.

Я с колыбели, с малых лет,
Приучен был к труду.
Отец работал здесь и дед,
И сын кричит: “Пойду!”

.....
Пришли разруха и бардак,
Все фабрики — под снос.
Реши, попробуй, с бодуна
Коммерческий вопрос.

И ждал весь трудовой народ
Опять kota в мешке —
Кому чего перепадёт
В заветном корешке.

Но крепок был наш “Белый Дом”
И гендиректор наш.
И стал завод ТКПО
Заводом “Тяжпрессмаш”.

Что честный труд для нас закон,
Здесь знает стар и млад.
Ведь на работу мы идём,
Как будто на парад!

Начальник, мастер, бригадир,
Главтех, главмех, главбух —
Шумит при них рабочий мир
Часов до трёх—до двух.

Начальство наше тут как тут.
Термистов, токарей
Вновь на линейку соберут,
Чтоб вставить кренделей.

А может, просто пожурив,
Похвалят всех за труд.
Большие выдадут паи
И премию дадут!

Доска почёта — это стиль,
У всех быть на слуху!
Когда б не угольная пыль
В обрубочном цеху.

Термисты печи накалят
И снова — в семь потов,
В три смены точат токаря
Детали у станков.

У слесарей — по три руки,
Нагар, налёт, засор.
Краны, насосы и станки,
Которым лет по сто.

Экологи, технологи
И гальванисты здесь.
Кто на жаре, кто в холоде...
И некогда поесть.

Один ответ на сорок бед,
И кругом голова...
Но врать не буду, есть обед,
А может, даже два!

Работы — непочатый край!
Брехня, что кони мрут.
Родной завод — ну, чем не рай,
Когда б не адский труд...

Пускai с проверкою зайдут,
У нас в цехах тепло
И поголовно всем дают
За вредность молоко.

Всем предприятиям пример!
Любой под силу груз!
У нас, как при СССР,
Свой личный профсоюз!

В столовой кормят на убой,
А хочешь выпить, брат, —
Есть с газированной водой
Советский автомат.

Здесь нет профанов — профи все!
Спецы — учёных ряд.
У нас уборщицы — и те
Сдавали на разряд!

И в срок на карточках у нас
Любым — от сих до сих —
Всегда получка и аванс,
Задержек никаких!

Кругом всё рухнуло давно,
Взглянуть — душа болит.
Всё через задницу, вверх дном...
А наш завод стоит!

ГЕОРГИЙ КУЛИКОВ

СКОРБЬ

Памяти Михаила Анищенко

Подыму поминальную стопку
И вкушу её горестный рай...
Сорок дней на душе было знобко,
Хоть ложись и с тоски помирай.

Знать не знал никакой Шелехмети,
Да, видать, роковой выпал срок
Тосковать о скорбящем поэте,
Так скорбеть он один только мог,

Запивая сухими слезами,
Как учил поминать Кузнецов,
Подымал поминанье стихами —
За победы и беды отцов,

За Россию, которой не надо,
За Россию, какая мила...
И бывала горька в ней отрада,
Инда скорбь её сладкой была.

ВETERАНУ

И по тебе проехала эпоха,
И ты был вдавлен больно в колею.
Кто ж нас поймёт, когда с озябшим вздохом
Скорбим: “Кому повем печаль мою?..”

О том, что не сбылось и что убито
В обманутой душе, в родной стране,
Где не связать концов (всё шито-крыто!)
И смерть берёт людей, как на войне.

Где нынче в храме по заказу пляшут,
А пентаграммы, обступив кресты,
Тесня последнюю твердыню нашу,
Набухли кровью, что пролил и ты.

НА БЕРЕГУ

Мой пёс, ты знаешь цепь, ошейник строгий,
Но всё ж хозяина безмерно чтишь,
Когда он изредка глухой дорогой
Приводит слушать, как шумит камыш

Под мерный плеск волны. Озёрный запах
Мучительно зовёт, сводя с ума:
Ты, замерев на вытянутых лапах,
Его впиваешь... Тут душа сама

Трепещет и ликует, сладко млея!
Порою так же трепещу и я
На берегу земного бытия,
Всё позабыв, о муках не жалея,

Хозяина нимало не вина.
В земном опустошён, небесным полный,
Безвольно слушаю, как на меня
Поэзии накатывают волны.

ЖУРАВЛИ

Журавли... Ах, какая печаль
Наблюдать их отлёт, расставанье!
Это — русская песнь, и желанье
За поэтом вослед крикнуть: “Жаль!” —

Так остро! Или “вдаль” срифмовать...
И запеть у тебя есть причина,
И разлуку запить, и кручину —
Со слезой, чтобы всласть горевать.

Но — слабо: ты давно не у дел...
Вон стихов твоих редкая стая
В небе скоро бесследно растает,
Уходя за последний предел.

г. Малоярославец

СЕРГЕЙ САВЕНКОВ

РУССКОМУ ОБЫВАТЕЛЮ

Ты говоришь на русском языке,
Но русским опасаясь назваться,
Поскольку там, в заморском “далеке”,
Поступок твой не вызовет оваций.

И ты живёшь, смеясь и налегке.
Пусть были Пушкин, Мусоргский, Вернадский —
Какой резон теперь на них равняться,
Когда хрустит валюта в кошельке!?
Ах, обыватель! Сколько раз тебя
История и недруги учили,
Что, русское в своей душе губя,
Ты оскверняешь душу всей России.
Она очистится — доподлинно известно!
Но в ней тебе, увы, не будет места...

* * *

И снова осень. Снова в сердце грусть
Привычно входит с музыкой осенней.
И снова я лицом к стеклу прижмусь
В предчувствии душевных потрясений.
Из года в год я этого боюсь
И всё же ожидаю с нетерпением...
А за окном волшебным наваждением
Сияет раззолоченная Русь.

И снова память. Снова наизусть
Читается про “чудное мгновенье”,
Про “буйство глаз и половодье чувств”,
Как будто рядом Пушкин и Есенин.
Из года в год соседства их боюсь
И в то же время жду его с волнением...
А за окном волшебным наваждением
Сияет раззолоченная Русь.

ПИСЬМО ИЗ ГЛУШИ

Далёкий друг! Я нахожусь в глуши,
Но что за прелесть эта глушь — поверьте!
Здесь состояние моей души
Предпочитает жизнь искúсу смерти.
Душа моя становится легка,
Когда вдыхаю таинство погоста,
И, кажется, смыкаются века
Над тем, что так естественно и просто...
Далёкий друг! Я Родину открыл,
Похожую на тоненький листочек,
Что весь поник от чужеродных сил,
Но изменить себе никак не хочет.
Далёкий друг! Что делать нам с тобой?
Как сохранить, спасти от бессердечья
Всю трепетность, отзывчивость и боль,
Всю песенность любимого наречья?
На нём пишу тебе издалека,
Из той глуши, где сердцу места в досталь.
И кажется, смыкаются века
Над тем, что так естественно и просто...

г. Саров

НИНА СМИРНОВА

“АЗ ЕСМЬ РУСЬ!”

Остуды памяти не то же, что простуда, —
Их вылечить практически нельзя...
Уходит то, что жило в нас, как чудо,
Всё дальше в новом времени скользя.

Не протянуть в тоске желанья руку,
Не прикоснуться — слишком далеко...
Лишь ветер под окном выводит скуку
По жилам водосточных труб легко.

И дождь, взбивая ритм свой по карнизам,
Идёт светло, хоть ночь и тьма вокруг, —
Лишь он один, когда тоска, мне близок,
Он навсегда мой благородный друг.

Он не предаст, не бросит, не унизит
И выслушает, и прогонит грусть,
И, даже если вдруг случится кризис
Всех чувств моих, напомнит: “Аз есмь Русь!”

И отойдут на дальний план обиды.
И, ветер взяв в помощники с дождём,
Я выйду в Русь, — а ей конца не видно! —
И заново втроём мы заживём.

Уходит то, что жило в нас, как чудо,
Но это не смертельно, а пока
Я в ночь иду в дождя весёлом гуде,
И новая дорога мне легка!

СВИДАНИЕ С РОДИНОЙ

Незадолго до отчего края,
Когда поезд уже тормозит,
Крылья плещут в предчувствии рая,
И в душе свежий ветер скользит.

Вот и ладно. На родине снова
Энергетику милой земли
Я включу в содержание слова,
Чтобы ветры на крыльях несли,

Чтоб пылали закаты, как в детстве,
И сверкал изумрудами луг,
Чтоб мальчишка, что рос по соседству,
Повстречался, как старый мой друг,

Чтобы ливней слепые потоки
Мне очистили сердце от зла,
Чтобы вновь я вернулась к истоку
И опять высоту набрала.

Ах, рассветные буйные зори!
Вы огню обучали меня
И вели за собой на просторы,
Солнца первым лучом осеня...

Тормозит притомившийся поезд,
И душа в предвкушенье дрожит...
Вот и Вёксы развязанный пояс,
Костромы по лугам виражи...

Здравствуй, город взросленья и детства!
Как же небо-то здесь высоко!
И мальчишка, что рос по соседству,
Мне навстречу шагает легко.

г. Калуга

ЮЛИЯ АРТЮХОВИЧ

РОДИНА МОЯ

В тихом городке, маленьком и древнем,
Среди пышных трав и прохладных рек,
Родина моя — спящая царевна,
Ты давным-давно ждёшь богатырей.

Без богатейшей нелегко на свете —
Горсточка друзей, полчища врагов.
Бросили тебя выросшие дети
И приветы шлют с дальних берегов.

Поманило их призрачное счастье:
Сытная еда, сладкое питьё.
А в родном доме дверь раскрыта настежь —
Горькая беда, нищее житьё.

Но вокруг снуют пасынки удачи,
Каждый о тебе речи говорит.
О тебе поют, молятся и плачут,
Жаль, что все они — не богатыри.

Матерят судьбу, глупую и злую,
И слова любви шепчут на бегу.
Родина моя! Я тебя целую,
Только разбудить, видно, не могу.

ПОЛЕ ПАМЯТИ

Широко горькой памяти минное поле
На бескрайних просторах огромной страны.
Нелегко нам скитаться дорогами боли
От тюрьмы до сумы, от войны до войны.

Где-то рядом — иные пространство и время:
Время странной любви на пространстве беды.
Там снаряды, гнилое военное семя,
Прорастут в ядовитые всходы вражды.

Угасают историков жаркие споры
О блокадах, прорывах, судьбе и вине.
И спасают от взрывов поэты-сапёры:
Им нельзя ошибаться в стихах о войне.

г. Сталинград

ЕКАТЕРИНА ЛИПАТНИКОВА

ВОТ ПРИДУТ РУССКИЕ...

*Мы павших своих не считали,
Мы кровную месть не блюли
И только поэтому стали
Последней надеждой земли.*

С. Куняев

За Родину смертным боем
Наш русский мужик стоял,
Итожа всё прожитое,
Смерть достойно встречал.

Избу за своей спиной
И пашни широкий простор

Он прикрывал собою,
Извечно и — до сих пор.

Лавиной железной германцы
Не раз и не два шли на Русь,
Веками на нас чужестранцы
Шли тьмой. Сосчитать не берусь.

Оставив на женщин орала,
Брал пращур калёный меч,
И насмерть рать русских стояла,
Чтоб родину уберечь.

Зов помощи слыша и стоны,
Ложились за правду костями,
Мы — витязи обороны —
Всегда оставались людьми.

МАГНИТНЫЕ ПОЛЮСА ЗЕМЛИ

Пересмена магнитных полей...
Что Земле предстоит — мы не знаем
И стремимся пожить веселей —
Есть полгода ещё, наверстаем!..

Нет, не думать — уж лучше всего,
Что ни будет — всё в Божьей деснице,
Надо верить всем сердцем в Того,
Кто взнуздал всех времён колесницы.

Для раздумий период был дан,
Интеллект — всеоружье людское.
Но мы в похоти шли по пятам,
Не давая природе покоя.

Сколько светлых сгорело умов,
Сколько мрачных голов при короне
Говорили кнутом вместо слов,
Развалившись вяльжно на троне!

Как страдала от алчи Земля,
В услуженье своём беззаветном,
Где царили тельца вензеля,
Как в предании Ветхозаветном.

Может, все мы сгорим в том огне,
Коль сумели Господне творенье
Так изгадить. И мщенье извне
Прекратит это долготерпенье...

МОЯ ЭПОХА

А моя эпоха — какова?
А моя эпоха — как трава:
Ниже пригибаться нам велит
И водой безмолвную струит.

А моя эпоха — словно плеть,
Обух тяжкий не преодолеть!
Говорят, что не перешибёшь.
Обовьёшься — значит, проживёшь!

А моя эпоха — как февраль,
Трасс оледенелых магистраль,
Оттепели след и скользкий лёд,
Шуганье ветров и перелёт.

А моя эпоха — мать, отец,
Родине служенья образец,
Школа и бесплатный институт,
Дети, что своим путём идут.

А моя эпоха — это Бог,
Достучаться до души Он смог.
С верою в грядущий Божий суд,
Пусть я — плеть, трава, воды сосуд.

*Республика Мари Эл,
посёлок Мари Турек*

ПЁТР СОЛДАТОВ

* * *

Я ещё в Бога верю,
Я ещё в чудо верю,
Но если не буду верить,
То превращусь в зверя.

Знаю, что мало значу,
По пустякам трачусь,
Без слёз на глазах плачу
И от себя прячусь,

Будто бы мёртв... Всё же
Ещё один круг прожит.
Боже ты мой, Боже...
Кто ещё так может?..

День ли теперь, вечер?
В храме горят свечи...
Мне и покрыть нечем.
Круговорот вечен...

* * *

Звони, Звонарь! Давай, Звонарь, —
Как встарь, как встарь...
Мы слышим, слышим — ты не уставай,
Звонарь!
Из дальних мест, из ближних мест —

Окрест, окрест
Плывёт над нами тихий благовест...
Я в храм войду, зажгу свечу,
Слова молитвы прошепчу,
И в тишине, и в тишине
Бог вспомнит обо мне...

Давай, Звонарь, смахни всю эту быль,
Как пыль,
Где вера есть — там совесть есть,
Там есть и честь!
Давай, Звонарь! Пора, Звонарь!
Провозгласи
Согласие по всей Руси!

Я в храм войду, зажгу свечу.
Слова молитвы прошепчу,
И в тишине, и в тишине
Бог вспомнит обо мне...

Наш путь таков — в ночи веков
Не счесть оков,
Но Русь жила и золотила
Купола...

* * *

Наши дела никогда не кончаются,
Там, где мы строим, где сеем, где жнём,
Там, где два любящих сердца встречаются,
Там, где мы просто и мирно живём.

Года, как вода,
Пройдут, не беда,
Останется дом мой родной.
Над тихой рекой,
Где берег крутой,
Где светится крест золотой.

Вологда-Вологда, лица знакомые,
Здравствуй, Василий, да здравствуй, Иван!
Даже в Москве по приметам особенным
Я узнаю земляков-вологжан.
Вологда, Вологда, дума тревожная,
И что сказать — угадать не берусь.
Только я сделаю всё невозможное,
Чтобы жила наша матушка-Русь!

Года, как вода.
Пройдут — не беда,
Останется дом мой родной...
Над тихой рекой,
Где берег крутой,
Где светится крест золотой...

*Костромская область,
деревня Кокошкино*

* * *

На зорьке ранней диск полуслепой.
Но глянь в окно: к тебе взывает чаша,
И птичий крик неведомый, манящий,
И зелень трав под тяжкою росой.

Там на тропу ступает босиком
Шальное детство, прыгая с постели,
Лишь занавески тише шелестели б,
В окно позволив выбраться тайком.

И слышен шёпот, еле уловим:
Дыша прохладой, бор в тягучей дрёме
С чуть слышным треском тянется в истоме,
И золотится облачко над ним.

Там перепрыгнуть можно без труда
Ручей, хранящий камешки цветные,
Звенящие: “Росиночка... Россия!
Святая Русь — пречистая вода...”

И пахнет сырость мхом, трухою пней,
А меж камнями плавает, резвится —
Всего не видит, вот и не боится —
Ватагой бойкой стайка пескарей.

И льётся безмятежно мирный день.
Но стягивают край, до боли милый,
Тугие корни — земляные жилы,
Как в лихолетье дедовский ремень.

К ним прикоснёшься — и рука звенит!
Рука гудит! И в ней такая сила,
Такая мощь, что, как бы ни штормило,
А сторону родную сохранит!

* * *

Боже, милуй! Не гневись
За минуты слабоволья.
Я люблю с такою болью,
Что не знала за всю жизнь!

Боже, милуй! Огради
От потерь того, кто рядом.
Мне же знать совсем не надо,
Что там будет впереди.

Боже, милуй! Отвернись!
Дай прильнуть к нему губами —
Да пребудешь вечно с нами! —
На прощанье обнялись...

ПАВЕЛ СКВОРЦОВ

* * *

Не утаю: туда, туда
Меня неодолимо тянет,
Где молчаливая трава
В стогах благоуханно вянет,

Где месяц и вода чисты
И перед звёздною Вселенной
И мысли, и слова честны,
Хоть рождены землёю брэнной.

Не распадётся тишина
От шага, шороха и вдоха...
Какой простор! А вышина!
И ночь не застилает ока!

* * *

Только жидкий орешник по склонам,
А над соснами — простенький крест.
Принимаю с глубоким поклоном
Эту скудость отеческих мест.

Здесь привольно полынь полыхает,
И беседы текут не спеша,
И задумчивость песню ласкает,
И себя вспоминает душа.

* * *

...А над весями сирыми,
Над пропащими пашнями
Небо синее-синее
И цветами пропахшее.

В нём высокое облако,
Словно ангел, парящее.
О, какими глаголами
Нам постичь настоящее?

г. Москва

ИРИНА СУРНИНА

* * *

Какое странное затишье —
Сама себя не узнаю.
Как будто стала меньше, тише
И обомлевшая стою.

Как сладко милому готовить
И тело новое таить,
И никому не прекословить,
И ничего не говорить.

Февронье и Петру молиться,
О дальней жизни не гадать
И жарко женского стыдиться,
И тихо, затаённо ждать.

* * *

Настирала много, засушила —
Будет в чём по лету щеголять.
Облаков-напевок понашила
И пустила по небу гулять.

А на кофте солнце-сердце бьётся,
А у кофты бархат голубой.
Хорошо по улице идётся
С облаками, лесом и — с тобой!

* * *

Всё-то, кажется, еду и еду,
По проходу ношу кипятик.
То мешаю какому соседу,
То он сам помешает чуток.

В духоте, тесноте, не в обиде
Хорошо уезжать из Москвы
И смотреть, если кто-нибудь выйдет,
И нестись мимо дикой травы.

А колёса несут, ошалели,
Словно кто-то стального украл.
А по правую сторону — ели,
А по левую — встанет Урал.

Только вдруг остановится лихо,
Постою, где и жизни-то нет...
И проймёт вечереющий тихо
Над Россией негаснувший свет.

г. Москва

ВЛАДИМИР СТЕПАНОВ

ВЕСЕННИЙ ПАЛ

Сестре Нине

Там, на холме, у родовых могил,
Пылал огонь и дымно било пламя.
Огонь с полей к погосту подходил —
Весенний пал в окрестностях буянил
Там, на холме, у родовых могил.

Пылал огонь, и дымно било пламя.
К родителям мы шли сквозь едкий дым,
Сдирая руки в кровь в седом бурьяне,
И в горле словно лист сухой пристыл.
Пылал огонь и дымно било пламя.

Огонь с полей к погосту подходил,
Траву сжигая в серый, пыльный пепел,
Деревья опалая до вершин.
Мы полем шли. Я издали заметил:
Огонь с полей к погосту подходил.

Весенний пал в окрестностях буянил.
И стало страшно мне: вдруг выжжет он —
Безжалостно бушующее пламя —
Не только холм, где род наш погребён,
Он выжжет память об отце и маме?..
Весенний пал в окрестностях буянил.

Там, на холме, у родовых могил,
Вдруг захлебнулось и упало пламя,
Как будто бы Всевышний не пустил,
Крыла забвенья Он не дал расправить
Там, на холме, у родовых могил.

ОСЕННЯЯ ВЕСНА

Мечтал я о совсем другой весне,
А тут такие ветры накатили!
На Север гуси-лебеди уплыли.
Я думаю уже не о тебе.

Я провожаю караван гусей.
Они кричат, как будто расстаются,
Хоть клики их тоскливой песней льются,
Но мне от этих кликов веселей.

Пусть улетают лебеди мои,
И гуси пусть летят на Север дальний.
Я на тверской земле, такой печальной,
Встречаю осени печальной дни.

Я в небе вдруг увидел журавлей.
Они домой, на родину летели.
Ведь только-только отошли капли —
Наш Север им стал ближе и милей.

Мной Север больше женщины любим.
Я одолел все зимние невзгоды.
Весна обрушилась, как дар природы,
Исчезли беды, как осенний дым.

Я задыхаюсь воздухом весны,
И журавлиный крик тревожит душу.
Хочу смотреть на небо, ветер слушать
И погружаться в сладостные сны.

МИХАИЛ КРАЛИН

РОМАНС

Не в гробах, а в глазах хоронили,
Запивая слезинкой потерю.
Так и жили они, так служили
Той России, в которую верю.
Расстояния необратимы
И разлуки длиннее, чем встречи,
Торопливые рваные речи
И голодные белые зимы.
Где теперь эти люди и слёзы?
По морозам развеялось горе,
И на смену упавшим берёзы
Встали вновь, как колонны в соборе.
Только эхо Всевышнего вздоха
Донесёт о вас вечную память,
Чудо-люди и чудо-эпоха,
Отгоревшее русское пламя.

РУССКАЯ ДОРОГА

Татьяне Петровой посвящаяю

Стоят леса, свеченьем налитые,
Собравшись миром на большой совет.
И я иду к тебе, моя Россия,
Моя душа, бессмертие и свет.

.....

В совете том Небесная Царица
А рядом с нею — бабушка моя,
И всюду лица, лица, лица, лица,
Прапрадеды, отцы и сыновья.

.....

Иду, иду, и нет конца дороге,
И нет конца держащим строй лесам,
И нет конца взыскующей тревоге,
И нет конца зовущим небесам.

.....

И нет конца заоблачной России,
Она всегда над нами и при нас.
И как бы мы её ни поносили,
Она своих питомцев не предаст.

.....

И нет конца непобедимой жизни,
И белый свет не помнит о конце.
Есть лишь рассвет в единственной Отчизне
И ясный луч, притихший на лице.

МОЯ ОТРАДА

Я ухожу в упрямую реку,
Отрадную, как ласковая мама.
Река всегда уймёт мою тоску
Хотя тоска навязчиво-упряма.

Но есть Оять. И облака в реке,
И над рекой их образа нависли,
И абрис храма — воплощенье мысли —
Кладёт предел предоблачной тоске.
И над рекой плывёт протяжный звон,
И мой огонь к нему ладони тянет.
Стоит наш дух, как вековечный дом,
Он всех простит и каждого помянет.

ГЕННАДИЙ КОБЫЛКИН

* * *

Есть звонкая пора, когда в зените лето
И гулкая гроза грохочет вдалеке.
Теплом наполнен день, и в бликах ярких света
Зеркальная вода искрится на реке.

Прибрежная трава прохладна и душиста,
На ивах шелестит, лоснится листьев шёлк.
И слышно далеко, как знойно, нежно, чисто
В татарке у тропы сверчок пропел и смолк.

Люблю я летний дождь: прохладу, жар, ненастье,
И лёгкий посвист птиц, и дымку над рекой.
Душа моя полна — в ней то земное счастье,
Что в дар приносят мне свобода и покой.

ИЮЛЬ

Ленясь, смотрю на слой дорожной пыли,
На чёткий след петляющих колёс.
Спит у обочины лохматый старый пёс,
И облака слоистые проплыли.

Была зима, собаки ночью выли,
И снег тропу безжизненно занёс.
Сегодня зной. На зреющий овёс
Лучится свет, ячеистый от пыли.

Чем ярче зной и чётче блики дня,
Тем соблазнительней и мягче тени
В живительном сплетении сирени.

Гурьбой к оврагу мчится ребятня,
И звонко споря, хвастаясь, умея,
В бездонность неба запускает змея.

* * *

В окно растворённое ветер дохнул
И влагу оставил на чистой бумаге,
А с улицы слышу раскатистый гул —
Весенние воды бушуют в овраге.

Я свет погасил и увидел в окне
Мерцающий отблеск волнистого бега.
И мне показалось, что в тусклом огне
Совсем не земная покоится нега.

И словно из детства в немеющий дом
Вдруг кто-то стучится усталой рукою.
И чувствую я подступающий ком...
“Как мама когда-то!” — пойду и открою.

г. Дзержинский

МАРИНА ГАХ

ЛИСТОК

Прозрачных рощ сквозной узор
В закатном небе остывает,
Так широко раскрыт простор,
Что душу дрожью пробирает.

Прощальный трепет золотой
Последних листьев, их смятенье,
Пред грозной, гулкой пустотой
И неизбежностью паденья.

Когда распахнутая ширь
Не просто поле, лес, дорога,
А состояние души
Пред проступившим ликом Бога.

Убрус небес огнём горит,
Весь мир застыл, восторгом полный,
И лишь сухой листок дрожит,
Своей судьбою недовольный.

ГАЛИНА ШЕВЧЕНКО

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА МОСИНЦЕВА

*Судьба поэта — крест, который
Снести не каждому дано.
А. Мосинцев*

Он угадывал Времени вызов.
Переживший немало потерь,
На пределе возможного выжил,
А на взлёте — захлопнулась дверь.

Подошло роковое мгновенье,
В немоту нас повергла беда.
Ароматом цветущей сирени
Провожала ЕГО Слобода.
Без оркестра, властей, пересудов,

Без разлада, интриг и обид,
Шли за гробом обычные люди,
Шли проститься, как сердце велит.

Он лежал, как на свадьбу одетый.
А над нами кружилась тоска,
Что последнею Песней поэта
Над могилой неслась в облака.

От той Песни — душа ликовала
И вгоняла рыдающих в дрожь.
Не фальшивила и не ласкала,
Заглушая холуйский галдёж.

Открывал ли он кладези знаний,
Приходил ли от чьих-то — в восторг,
По-мужски, без надсадных стенаний,
Раздарил Он себя — словно Бог!

Благодарный за злую присуху,
За коварную суть бытия,
Перед смертью всей силою духа
Воспевал Он родные края.

Не искал оправданий за слабость,
Благодарность от злыдней не ждал,
Но имел беззаветную храбрость
Указать, кто есть — волк, кто шакал.

Эти нишу занять невозможно
Никакой навороченной тле,
Потому так отныне тревожно
Без него на российской земле.

СПАСИБО ЗА БОЛЬ

Таинственны истоки вдохновенья.
Страницы жизни свёрстаны не зря:
Решения, ошибки, увлеченья
Затмить не может юная заря.

Друзья мне сердце отогрели словом.
Врагам спасибо — обострили слух.
И, если жизнь моя на переломе, —
От скорости захватывает дух!

Важны непредсказуемые встречи,
В них что-то от рождения стихов,
Когда со всем, что рядом — не переча —
На жизнь, на смерть и на любовь готов!

Бывает расстоянье испытаньем —
А значит, нам опять творить пора.
Спасибо всем, кто, наше сердце рая,
В конце концов, желает нам добра.

ВАЛЕНТИНА ОСТАНИНА

* * *

Я родилась в тяжёлом сорок пятом.
Ещё дымилась русская земля,
Когда пришла суровая расплата
К распластанным штандартам у Кремля.

Я не дитя войны, мне ненавистной.
Есть в метриках и мама, и отец.
А в генах — русской доли вкус тернистый,
И есть в крови, наверное, свинец.

Я не дитя войны. Я благодарна
За тишину и солнечный рассвет
Сибирскому селенью Павлоградка,
Где мама родила меня на свет.

В часы сердечной дружеской беседы
О мужестве, о долге говоря,
Себя я числю дочерью Победы.
Её люблю, как мать боготворя.

МАКСИМ ЕРШОВ

* * *

Над площадью — оркестр.
Над городом — весна.
Восходит долгий ритм в озоновые кущи.
Ещё пятьсот шагов, и вот она, страна —
здесь объединена в один поток влекущий.
Она идёт к сердцам — приковывает взгляд,
тревожит и зовёт, даёт ответ и ранит:
зачем опять, зачем так много лет подряд —
должны сиять штыков торжественные грани?..
Давно — в сорок восьмом — мой прадед, капитан,
явился в волжский край
с партийной ясной целью,
и нам построил дом. И вот я вырос в нём.
Чтоб слышать наш парад
и слышать нашу землю.
Я слышу землю вслух, как чуткий майский лист,
свой первый майский дождь услышав — верит слепю.
А старый дом стоит, как серый обелиск —
в зрачках окон храня мерцающее небо.
Меня в слепой любви не стоит укорять!
Земля живёт во мне упрямыми веками.
Как будто всажен меч в траву по рукоятку
и врос большим крестом в траве под облаками.
Те облака плывут,
заглядывая в синь
озёр, великих рек и маленького пруда.
Вот так же смотрим мы

в свои пятьсот Россий,
и светит наших скул немеряное чудо.
Однажды рябь сойдёт,
как пыль, осядет быт —
лик станет на воде, старинный, как пергамент.
И если с трёх сторон услышим стук копыт —
то просто вздрогнет вдруг в груди былинный камень!
И кони те — летят под грохот облаков.
Должно быть, ордена на Пасху мироточат.
И кажется порой: чугунный вой гудков
заряжен в тишину — как лезвие, отточен...
Я слышу это всё.
И помню это всё.
Победа рвёт войну неслыханною волей.
Курантов и людей большое колесо
большие времена выкатывают в поле.
И выстроен парад.
Так здравствуй, добрый шур!
Зачем же ты такой, как горький куст полыни?
Мой прадед, капитан,
имел бы твой прищур,
когда бы, как и ты, смотрел на нас поныне.
Пускай же грянет марш на все пятьсот Россий!
Пусть зубчатый огонь сияет Третьим Римом!
Покуда Кремль стоит — как хмурый кирасир —
быть можно на земле цветком неповторимым.
Твой хмурый выход, Русь! Предвестница добра.
Равняйся на себя и кроны красных башен.
Идёт большой парад,
на длинный час вобрав,
что было и что есть
и будет в мире нашем.
Смотри же, добрый шур!
Ты нам всего верней.
Уже по грудь во мгле — упёрся орденами.
И если вдруг слеза, то главным будет в ней
желанье обвенчать свою Победу с нами.